

ДЕЛО
О
ПОЮЩЕМ СКРИПАЧЕ

НАНА РЯБОВА

18+

Nana Ryabova

Дело о Поющем Скрипаче

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73081533

SelfPub; 2026

Аннотация

Дело пахнет дорогим коньяком, пылью веков и откровенным бредом. Частный детектив Орлов и его неотразимая партнёрша Марина берутся за расследование в старинном особняке, где убита горничная. Заказчица, эксцентричная аристократка, уверена: это дело когтей вампира. По ночам в саду звучит жутковатая скрипка, а на столе у Орлова появляется фотография его собственного двойника из прошлого века с подписью «Он проснётся в полнолуние».

Чтобы раскрыть преступление, детективам предстоит погрузиться в мир ядовитых семейных тайн, запретных страстей и изощрённой лжи, где каждый обитатель дома играет свою роль в смертельном спектакле. Ирония и сарказм – их главное оружие. Но хватит ли его, когда в игру вступает тот, для кого человеческая жизнь – всего лишь нота в бесконечной, трагической мелодии?

Nana Ryabova

Дело о Поющем Скрипаче

Пролог. Реквием по горничной

Туман над Невой в ту ночь был не просто погодным явлением, не безликой пеленой. Он был субстанцией, памятью города, его дымчатым, отравленным дыханием, в котором тонули золотые купола и прятались грехи, пахнущие дорогими сигарами и дешевым портвейном. Он лип к асфальту, цеплялся за подола прохожих, наполнял легкие влажным холодом, от которого костенели не только пальцы, но и мысли. В такую ночь рождаются призраки. В такую ночь и умирают горничные.

Особняк леди Агаты Ван Дорен стоял на Английской набережной, как надменный, отживший свой век аристократ, повернувшийся спиной к суетному и наглому новому веку. Его песчаные стены, испещренные морщинами-трещинами и замысловатыми узорами выцветшей лепнины, хранили не прохладу, а ледяное дыхание минувших столетий. Золоченые решётки, обвитые голыми, похожими на нервы плетями плюща, были не украшением, а коваными прутьями, отделявшими мир изящных манер и отточенной жестокости от внешней, неприличной реальности. Свет из высоких окон-глазниц струился тусклый, маслянистый, похожий на старый

прогоркший бульон, бессильный рассечь густые, настоянные на пыли сумерки.

Именно в этой почти театральной, до мелочей продуманной декорации для вечной пьесы о власти и деньгах, и была обнаружена Эмили. Не в своей камерке под крышей, залитой запахом капусты и мыла, где ей полагалось спать, мечтая о невозможном, а в парадной гостиной, у рояля «Беккер» цвета воронёной стали, отполированного до такого зеркального блеска, что в его глянцевої поверхности застыло отражение ее бездыханного тела.

Её нашел старый дворецкий Фёдор, человек с лицом, напоминающим высохшую пергаментную карту, испещренную морщинами-дорогами, ведущими в никуда. Он пришел затопить камин, чтобы его хозяйка, спускаясь к завтраку, не ощутила и намек на дискомфорт. Он замер на пороге, его костлявые пальцы, привыкшие беззвучно носить серебряные подносы, судорожно сжали латунную ручку каминной решетки.

Девушка лежала в неестественной, вычурной позе, будто застыла в середине какого-то изысканного, страшного танца, партнером в котором была сама смерть. Одна рука была изящно откинута за голову, обнажая мягкую, уязвимую линию подмышки, тронутую легкой тенью, другая – изогнуто лежала на паркете, будто пыталась что-то удержать. Её строгое, почти монашеское форменное платье из грубого, но качественного сукна было застегнуто на все пуговицы и сидело

безупречно, словно только что из утюга. Лишь у горла, чуть левее кадыка, зияло маленькое, почти аккуратное, словно от укола шилом, отверстие. Темное, безжизненное. Крови было поразительно мало – несколько густых, запекшихся капель на алом персидском ковре с причудливыми золотыми узорами, словно бусины от порванных чёток, которые кто-то небрежно обронил.

Лицо Эмили, обычно румяное и пухлое, дышавшее здоровьем простолюдинки, теперь было мраморно-бледным и выражало не ужас, а некое ошеломлённое, детское недоумение. Карие, всегда такие живые глаза, смотрели в массивный лепной потолок, застыв в немом вопросе. Губы, полные и мягкие, обычно растянутые в готовой улыбке служанки, были чуть приоткрыты, будто последним движением она хотела не крикнуть, а что-то тихо спросить у небес, до которых ей, как и при жизни, так и не суждено было дотянуться.

Но самое жуткое было не это. Самое жуткое заключалось в звуке, вернее, в его абсолютном, гнетущем отсутствии. Гостиная, как и весь особняк, была наполнена тишиной. Но тишиной особого рода – густой, бархатной, настоящей на запахе старого вошеного паркета, дорогого пчелиного воска и... едва уловимого, но стойкого аромата дорогого миндального мыла, смешанного с пробивающимся сквозь него сладковатым, приторным душком тления, который уже начинал виться в ноздрях, как испарение ядовитого цветка. Воздух был тяжёл и неподвижен, будто его откачали насосом вместе

с жизнью бедной Эмили, оставив лишь вакуум, пахнущий смертью и Шанелью №5.

Леди Агата, услышав сдержанный, но отчетливый стук сердца Фёдора о ребра, появилась в дверях как призрак. Она была в шелковом пеньюаре цвета кровавой бургундской розы, от которого ее седые, уложенные в идеальную башню волосы, казались еще белее. Увидев тело, она не вскрикнула, не закрыла лицо изящными пальцами. Она медленно, с невероятным хладнокровием, поднесла к глазам лорнет на черепаховой ручке, вставив его между костяных, почти прозрачных век.

– Я же говорила, Фёдор, – ее голос был низким, вибрирующим, как струна контрабаса, и таким же холодным. Она обращалась не к перепуганному до полусмерти старику, а скорее к портрету своего прадеда-адмирала, сурово взиравшего на происходящее с темного полотна. – В этом доме завёлся вампир. Но не тот, романтический, с плащом и клыками. Наш – куда изысканнее. Он пьет не кровь, а души. И предпочитает молоденьких. Принеси мне бренди. Мой, из хрустальной фляжки. И найди детектива.

Она медленно опустила лорнет, и ее взгляд, холодный и острый, как скальпель патологоанатома, скользнул по тёмному, как провал в иной мир, окну, за которым клубился и шевелился питерский туман.

– Не этих унылых, пахнущих щами и махоркой жандармов. Найми кого-нибудь... с воображением. И с прошлым.

У каждого приличного детектива должно быть грязное прошлое. Это придает расследованию пикантности.

Где-то там, в этой молочно-белой, обволакивающей пелене, уже шептались тени, и новая, многослойная тайна, пахнувшая смертью, старыми духами и деньгами, протягивала к особняку свои липкие, невидимые щупальца. Дело, пахнувшее скандалом, бренди и дорогим парфюмом, смешанным с запахом разложения, начиналось. А вместе с ним начинался и отсчет до следующей смерти.

Глава 1. Аристократка, вампир и фотография с призраком

Наша «Волга», выдавшая на своём веку и погони по брусчатке, выложившей мозги, и выстрелы, оставляющие в стеклах звёзды смерти, и мои отчаянные попытки затолкать в его багажник тело под два метра ростом, от которого пахло дешёвым портвейном и дорогим предательством, с недовольным ворчанием остановилась у чёрного чугунного забора. Она фыркнула последний раз, выпустив из выхлопной трубы клуб пара, похожий на стон уставшей души. Я убил зажигание, и в наступившей тишине, густой, как холодец, зазвучал лишь мелодичный, почти невыносимый перезвон капель с кованых листьев аканта на решётке. Каждая капля была похожа на слезу, отточенную временем.

– Ну что, шеф, готов к встрече с небожителями? – Голос

Марины был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой, которая появлялась после третьей сигареты или в предвкушении опасности.

Она вышла из машины, и её движение было плавным, хищным, как у пантеры, вышедшей из клетки. Она поправила пальто из мягкой кашемира цвета ночного неба, идеально облежавшее её соблазнительные, смертоносные изгибы. На ней не было ничего, что могло бы выдать наше грязное ремесло – ни грубых ботинок, в которых можно бежать по стеклам, ни практичных брюк, позволяющих заломить руку негодяю. Только элегантные полусапожки на каблуке-шпильке, от одного вида которого у меня заныла давно зажившая, но предательски занывшая рана на бедре, и юбка, облежавшая бедра так, что они обещали мужчине рай, но на чистоту лишали её самую малейшую шанса на погоню. Её рыжие волосы, собранные в небрежный, но безупречный пучок, от которого на шее завивались несколько непослушных прядей, казалось, впитывали весь скудный свет этого хмурого дня.

– Я как-то больше привык к подвалам, пахнущим крысиным пометом и страхом, и чердакам, где пыль лежит как саван на гробах прошлых надежд, – проворчал я, окидывая взглядом монументальный, надменный фасад. – А здесь пахнет деньгами. Старыми, слегка затхлыми, но всё ещё властными деньгами. Деньгами, которые не кричат, а приказывают шёпотом.

– Деньги тоже пахнут кровью, шеф, – философски заме-

тила Марина, подходя к массивной дубовой двери, украшенной бронзовым молотком в виде головы горгоны. – Просто у аристократов она пахнет не железом и порохом, а выдержанным коньяком и грехами, которые уже выцвели от времени.

Дверь отворилась беззвучно, словно её открыла сама тень. В проёме стоял Фёдор. Он был таким, каким и должен быть дворецкий в подобном особняке: сухонький, подтянутый, как струна, с лицом цвета старого, пожелтевшего пергамента, на котором история написала всю свою беспросветную хронику. Его взгляд, блекло-голубой, словно выцветшее небо, выражал лишь вековую, всепоглощающую усталость от человеческой глупости, которую он наблюдал из поколения в поколение. На нём был безупречный, отутюженный до лезвия фрак, и от него несло ароматами нафталина, старого воска и абсолютного, леденящего душу безразличия.

– Господин Орлов? Госпожа... партнёр? – его голос был ровным, монотонным и безэмоциональным, как гудение высоковольтного трансформатора где-то в подвале. – Леди Агата ожидает вас в Зелёной гостиной. Пожалуйста.

Мы прошли за ним по бесконечной анфиладе залов, где наши отражения в потемневших зеркалах казались призрачными, недружелюбными двойниками. Паркет под ногами скрипел с таким аристократическим достоинством, будто ему было триста лет, и он лично знал Петра Первого и с наслаждением хранил тайну о его отрубленной голове. Воздух висел тяжёлым, почти осязаемым коктейлем ароматов: воск,

пыль старых кожаных переплетов, слабый, но навязчивый, как воспоминание, запах лаванды из засушенного букета в вазе Севрского фарфора и что-то ещё... металлическое, холодное. Тонкий, но невыносимый запах страха, тщательно прикрытого вековыми хорошими манерами.

Зелёная гостиная оказалась помещением, где бархат обоев цвета заплесневелой бирюзы сливался с сумраком, настоящим на вековой тоске. Громадное венецианское зеркало в позолоченной, причудливо изогнутой раме отражало не нас, жалких пришельцев из другого мира, а скорее саму гнетущую тьму, копившуюся в углах, как яд в зубах змеи. В гробовой тишине комнаты весело и кощунственно потрескивали поленья в камине, отбрасывая на стены пляшущие тени, похожие на чертей. В высоком кресле с готической спинкой, словно на троне, сидела леди Агата Ван Дорен.

Ей было на вид лет семьдесят, но возраст не согнул её, а лишь отполировал до блеска, как морская галька, обточенная штормами. Прямая, как клинок шпаги, спина, седые волосы, убранные в строгую, но до невозможности изысканную причёску, от которой ни один волосок не смел выбиться. Её лицо напоминало старую, но бесценную географическую карту – паутина морщин на холсте безупречно бледной, почти фарфоровой кожи, прорезанная алыми, поджатыми в тонкую, безжалостную ниточку губами. На ней было простое, но безукоризненное тёмно-серое шерстяное платье, а на исхудалой, с выступающими ключицами шее – нитка

крупного, переливчатого жемчуга, холодного и совершенно-го, как её глаза, цвета зимнего неба перед метелью.

– А, детектив, – произнесла она, не двигаясь. Её голос, низкий, с легкой хрипотцой, заставил воздух в комнате замереть и стать еще гуще. Он был похож на скрип старого корабля, плывущего по морю из призраков. – И ваша... очаровательная спутница. Не ожидала, что ваша профессия допускает подобный гламур. Садитесь. Фёдор, виски для джентльмена. Старый, выдержанный, не тот, что пьёт охрана. Для дамы – херес. Холодный.

Мы опустились в кресла, обитые выцветшим шёлком, на котором причудливые птицы и драконы давно потеряли свои цвета, устав от вечного полета. Я почувствовал себя не школьником, вызванным к директору, а скорее мушкетёром, приведённым на допрос к кардиналу Ришелье. И от этого осознания по спине пробежал холодок, в котором смешались страх и азарт.

– Леди Агата, – начал я, и мой голос прозвучал чуть хриплее от натянутой почтительности, – нас нашёл дворецкий, рассказал нам о трагедии. Вы считаете, что это дело рук... вампира?

Последнее слово повисло в воздухе, казалось таким же нелепым, как предложение о чае на пороховом складе.

Она медленно опустила лорнет, которым разглядывала Марину с нескрываемым, почти хищным любопытством, будто оценивая редкий, опасный экспонат. Хрустальная лин-

за на черепаховой ручке мягко стукнула о кружевную салфетку на её коленях.

– Я считаю, молодой человек, что в мире полно вещей, в которые вы, со своим прагматичным, зашторенным умом сыщика, привыкшего к отпечаткам пальцев и вульгарным уликам, отказываетесь верить. Эмили убита. Убита изящно, почти бескровно, с тем изыском, на который способны лишь истинные аристократы или... иные существа. Никакого грубого насилия, никакой животной борьбы. Только два аккуратных прокола на шее, тонкие, как укол иглы для граммофона. И... – она сделала театральную паузу, давая нам почувствовать леденящий вес своих слов, – в ночь её смерти я слышала музыку. Я не спала, читала Пруста, и звук был столь же ясен, как стук моего сердца.

– Музыку? – переспросила Марина, её зелёные, как малахит, глаза сузились с неподдельным, острым интересом. Она инстинктивно наклонилась вперёд, и вырез её блузки приоткрыл ту самую ямочку на ключице, что всегда сводила меня с ума.

– Скрипку, – леди Агата кивнула, и тень от её высокой причёски заколебалась на стене, словно гильотина. – Она доносилась из сада. Пронзительная, неземная, ледяная мелодия. Ни один живой, заурядный музыкант не смог бы извлечь из инструмента такие звуки. Это была музыка загробного мира, колыбельная для умирающей души. Она резала слух, но заставляла слушать.

Я перевёл взгляд на камин, пытаясь скрыть саркастическую ухмылку. Пламя играло в хрустальных подвесках люстры, отбрасывая на стены, увешанные портретами угрюмых предков, трепещущие, почти живые тени. Вампир-скрипач. Звучало как дешёвый готический роман для впечатлительных барышень. Но в этой удушающей обстановке, под пристальным, гипнотическим взглядом этой женщины, чьи пальцы с длинными, острыми ногтями впились в подлокотники кресла, это уже не казалось смешным. Это казалось возможным.

– Можно осмотреть место происшествия? – спросил я, вставая. Мои колени затрещали, нарушая торжественность момента прозаичным напоминанием о возрасте и старых травмах.

– Конечно. Фёдор проведёт вас. – Она сделала маленький, изящный глоток бренди из хрустальной стопки, и жидкость цвета тёмного янтаря блеснула в свете огня. – И, детектив... будьте осторожны. Тени в этом доме давно научились не только слушать, но и подражать живым. Порой я сама не могу отличить призрак от слуги.

Мы с Мариной поднялись и последовали за дворецким, чья спина была прямой и непроницаемой, как дверь в склеп. Тело уже увезли, но бледный, призрачный контур, очерченный мелом на роскошном персидском ковре, кричал громче любого предсмертного вопля. Воздух здесь был ещё тяжелее, густо пропитанный сладковатым формалином и горькими,

несбывшимися надеждами двадцатилетней девушки.

Марина, не задумываясь, опустилась на колени, словно собираясь помолиться. Её пальцы в тонких кожаных перчатках скользнули по ворсу с чувственной, почти интимной медлительностью, от которой у меня у самого перехватило дыхание и кровь ударила в виски.

– Смотри, – прошептала она, и её шёпот был похож на шелест шёлковых простыней. – Никакой борьбы. Ни сбитой мебели, ни оборванной бахромы ковра. Она упала здесь, как подкошенная, и не двигалась. Словно её просто... выключили. И... что это?

Она указала на едва заметную, но отчётливую царапину на тёмном, отполированном до зеркального блеска паркете, рядом с контуром головы. Длинная, тонкая, идеально прямая, будто кто-то с нажимом провёл остриём хирургической иглы или лезвием бритвы.

Я отошёл к роялю, этому громадному, чёрному лакированному гробу для музыки. Крышка была открыта, обнажая ряд клавиш. Чёрные, как смоль, и белые, как саван, они молчали, храня свою зловещую тайну. И тут мой взгляд, натренированный годами выискивать нестыковки, упал на небольшую, почти невидимую щель между двумя клавишами «си» и «до». Что-то белело, крошечный клочок, застрявший в деревянном чреве инструмента. Я достал пинцет из внутреннего кармана пиджака, почувствовав под пальцами холодную сталь, и аккуратно, как хирург, извлёк находку.

Это был крошечный, свёрнутый в тугой, влажный от пота рулончик клочок пожелтевшей нотной бумаги. Я развернул его, и бумага хрустнула, словно кость. На ней были выведены старомодными чернилами всего несколько тактов странной, сбивающейся мелодии. И слова, написанные каллиграфическим почерком с вычурными завитками: *«Твой смех – моя вечная ночь»*.

– Орлов, – позвала меня Марина, и в её голосе прозвучала сталь. Она стояла у огромного, почти в полстены, окна, выходящего в тёмную, бездонную чашу сада. – Посмотри сюда.

Я подошёл. На дубовом подоконнике, в толстом, нетронutom слое пыли, отчётливо виднелся отпечаток. Не ступни, не подошвы башмака. Это был странный, продолговатый, почти треугольный след, с глубокой вмятиной посередине, словно кто-то с силой поставил сюда трость с острым, узким наколочником. Или... костыль.

– Интересно, – прошептала Марина, её губы оказались в сантиметре от моего уха, её дыхание было тёплым, влажным и волнующе опасным, пахнувшим дорогими духами и тайной. – Вампиры, говорят, не отбрасывают тени. А пользуются ли они, скажем, костылями? Может, наш призрак хром? Или просто стар?

Внезапно из глубины дома, словно из самого его сердца, донёсся звук. Тихий, отдалённый, приглушённый стенами, но от этого ещё более жуткий и целенаправленный. Это была скрипка. Одна-единственная нота, высокая, чистая, пронзи-

тельная, как ледяная игла, вонзившаяся прямо в барабанные перепонки. Она прозвучала, зависла на пике и резко оборвалась, оставив после себя звенящую, напряжённую, оглушительную тишину, в которой застучало моё сердце.

Мы с Мариной переглянулись. В её расширенных зрачках я увидел не страх, а лихорадочный, первобытный, охотничий азарт. Тот самый, что зажигает в крови огонь, куда более опасный и сладостный, чем адреналин. Тот, что заставляет забыть обо всём ради следующей дозы истины.

– Кажется, наш скрипач дал о себе знать, – сказал я, сжимая в кармане кулак, в котором зажал и старую фотографию моего двойника, и найденную нотную записку, впившуюся в ладонь острым уголком.

– И он, кажется, знает, что мы здесь, – добавила Марина, и на её губах, полных и чувственных, появилась та самая, хищная, обещающая нераскрытые тайны и бессонные ночи улыбка.

Дело о поющем вампире началось. И его первая нота, ледяная и одинокая, прозвучала не как приглашение к танцу, а как первое предвестие надвигающейся кровавой бури.

Глава 2. Тень в саду и поцелуй в библиотеке

Звук скрипки, тот единственный ледяной шип, вонзившийся в тишину и в самое нутро происшествия, растворился, оставив после себя нечто более тяжёлое и липкое – гне-

тущее, невысказанное ожидание очередного удара. Воздух в парадной гостиной стал густым, как запекшаяся кровь, и каждый вздох требовал усилия, наполняя легкие влажным холодом и запахом страха.

Марина первой вышла из ступора. Её тело, секунду назад замершее у окна в изящной, почти скульптурной позе, теперь напряглось, каждая мышца пришла в готовность, как у пантеры, учуявшей первый, едва уловимый запах добычи. Азарт в её глазах сменился холодной, отточенной решимостью.

– Библиотека, – коротко бросила она, уже двигаясь к дверям, и её каблуки отстукивали по паркету сухой, безжалостный марш. – Звук шёл оттуда. Чётко. Слева.

Фёдор, дворецкий, стоял неподвижно, вросший в персидский ковер, его лицо-маска из старого пергамента не дрогнуло, но в глазах, этих выцветших, как прошлогодний небосвод, бисеринках, я прочитал не страх, а глубочайшее, вековое отвращение ко всякому нарушению заведённого порядка, к этому грубому вторжению хаоса в его выверенный до секунды мир.

– В библиотеке никого нет, – произнёс он ровным, лишённым каких-либо интонаций голосом, словно констатировал факт смены времени года. – Она заперта с шести вечера.

Но мы уже проходили мимо него, два охотника, подчиняясь более древнему и сильному инстинкту. Его протест повис в воздухе, никем не услышанный.

Библиотека леди Агаты была настоящим царством знания и забвения, лабиринтом, сотканным из бумаги и тайн. Высокие, под самый лепной потолок с фресками, изображавшими муз, дубовые стеллажи, уставленные тысячами томов в потертых кожаных переплётках, стояли как немые стражники ушедших эпох. Воздух был густым, сладковато-тяжёлым от запаха старой, медленно разлагающейся бумаги, дорогого сафьяна и пчелиного воска. В центре зала, на массивном столе красного дерева, грубо вскрывавшем своим блеском окружающий полумрак, горела единственная бронзовая лампа под зелёным стеклянным абажуром. Она отбрасывала на стол конус ядовитого изумрудного света, выхватывая из тьмы развёрнутую рукописную карту звёздного неба, испещрённую непонятными символами. Рядом стоял глубокий кожаный стул. Пустой.

— Никого, — констатировал я, медленно осматриваясь, чувствуя, как спина покрывается мурашками. Ни намёка на недавнее присутствие, ни единой пылинки, взметнувшейся в паническом бегстве, ни следов на идеально натёртом полу.

Но Марина не слушала. Её как магнитом тянуло к высокому французскому окну, ведущему на террасу и в сад. Оно было приоткрыто на палец. Тонкая, коварная струйка ночного воздуха, несущая с собой насыщенный запах влажной, почти болотной земли, гниющих листьев и майской сирени, вползала в комнату, словно незванный, дурно пахнущий гость.

– Он вышел отсюда, – прошептала она, проводя обнажённым пальцем без перчатки по холодной медной ручке. Её палец, с безупречным маникюром, остановился на крошечном, почти невидимом волокне, зацепившемся за мелкую зазубрину. Оно было тёмно-серым, шерстяным. Не из дешёвой ткани.

Я подошёл к ближайшему стеллажу. Моё внимание, будто наведённое незримым лучом, привлекла одна книга. Она стояла не вровень с другими, чуть выступая, будто её недавно вставляли обратно наспех, дрожащими пальцами. Я потянул за потертый корешок с золочёными буквами. Это был старый фолиант «Демонологии северных народов» в потёртом сафьяновом переплёте цвета запекшейся крови. Книга с тихим шелестом, похожим на вздох, открылась на странице, отмеченной засохшим, рассыпающимся от времени цветком, похожим на чертополох. Пожелтевший текст рассказывал о упырях, кровососущих духах, что бродят по краям деревень, а на полях, чьей-то старательной, вычурной рукой, были выведены чернилами строчки, от которых кровь стыла в жилах:

«И познаешь его по сладости дыхания, пахнущего могильной землёй и мёдом, и по взгляду, что обращён не на тебя, а в вечную ночь за твоим плечом».

– Наш вампир, кажется, занимается самообразованием, – иронично заметил я, показывая находку Марине, чувствуя, как по спине пробегает холодок. – Или кто-то очень стара-

ется создать у нас такое впечатление.

Внезапно в саду, за стеклом, в самом сердце сгущавшейся тьмы, мелькнула тень. Высокая, неестественно сторбленная, она скользнула между голых, скрюченных пальцев ветвей платанов и растворилась в глубине парка. Беззвучно, как призрак, не оставив после себя ничего, кроме чувства ледяного укола в сознании.

– Пошли! – Рывком, с глухим стуком, я открыл тяжёлую створку окна, и мы, как два теннисных мяча, выскочили на сырую, утопающую в темноте гравийную дорожку.

Ночной сад был другим, враждебным миром. Влажный, пропитанный туманом воздух обволакивал лицо холодной, липкой пеленой, цеплялся за одежду. Фонари, расставленные вдоль аллей, отбрасывали мутные, расплывчатые круги света, в которых, как души грешников, клубились и танцевали мириады мельчайших капелек. Каждый наш шаг по гравию звучал оглушительно громко, предательски громко, в этой давящей, полной скрытых угроз тишине. Где-то вдали, за высоким забором, гудел город, но здесь, в этом каменном мешке зелени, царил свой, отдельный порядок – посредство запустения и смерти.

Мы бежали по извилистой, уводящей вглубь парка тропинке, о которую цеплялись мокрые ветки кустарников, словно пытаясь нас остановить. Где-то впереди, в чаще, слышался шорох – сухой, поспешный, однозначно не принадлежащий ни ветру, ни зверю. Мы ускорились, дыха-

ние спёрло в груди. Сердце колотилось, выстукивая дикий, неистовый ритм погони. Адреналин, знакомый и желанный, горькой, пьянящей волной разлился по венам, затуманивая разум и обостряя чувства.

И тут мы выбежали на небольшую круглую площадку, заросшую сорной травой, с полуразрушенной мраморной беседкой-ротондой. В центре, на облупившемся пьедестале, темнела статуя обнажённой наяды, её каменные, когда-то совершенные изгибы были теперь покрыты склизким мхом и блестели от ночной влаги, словно она вспотела от страха. И здесь, на сырой земле, все следы обрывались. Бесследно. Словно земля поглотила призрака.

Марина, тяжело и прерывисто дыша, откинулась спиной на мокрый, шершавый ствол старого дуба, вросшего в землю, словно немой свидетель всех ночных грехов. Её грудь, высокая и упругая, вздымалась под тонкой, почти невесомой тканью шёлковой блузки, на которой проступали контуры кружевного бюстгальтера. На её обычно фарфоровых щеках играл лихорадочный, неровный румянец, а глаза блестели в полумраке, как отполированные малахиты. Лунный свет, пробивавшийся сквозь рваные, спешащие куда-то облака, выхватывал из темноты разгорячённое лицо, капельку пота, скатившуюся по виску к изящной линии челюсти, и влажные, полуоткрытые губы, призывно блестящие в ночи.

– Чёрт, – выдохнула она, и её голос был низким, хриплым от бега и чего-то ещё, что витало, между нами, уже много

месяцев. – Упустили. Словно призрака.

Я подошёл к ней, и пространство между нами сократилось до предела, до дрожащей электростатики прикосновения одежды. Запах её духов – горьковатой апельсиновой цедры, томного ночного жасмина и чего-то тёплого, кожного, сугубо её – смешался с влажным, землистым дыханием ночи и острым, солёным запахом нашего возбуждения. Опасность, всегда витавшая, между нами, невысказанным, сладким ядом, этим эротическим напряжением, что сквозило в каждом взгляде и случайном касании, теперь сгустилась до точки кипения, до предела, когда ломаются все внутренние барьеры.

– Может, и не упустили, – прошептал я, глядя в её глаза, в эти бездонные зелёные озера, где плескались дикий азарт, вызов и откровенное, голодное желание. – Может, он просто дал нам... побыть наедине.

Она не ответила словами. Её ответом было движение. Она потянулась ко мне, и её длинные, изящные пальцы с силой впились в волосы на моём затылке, резко, почти грубо притянув моё лицо к своему. Поцелуй был не просто поцелуем. Это было сражение. Голодное, яростное, отчаянное и безоговорочное. В нём был вкус бешеной погони, страха смерти, металлический привкус крови на моей губе от того, что я в спешке прикусил её, и пьянящая сладость победы над собственной осторожностью. Наши языки сплелись в жестоком, требовательном танце, выстукивая тот же ритм, что и наши

сердца.

Я прижал её к холодному, шершавому дубу, чувствуя, как всё её гибкое, послушное тело откликается на моё, как пламенеет под тонкой, предательски скользкой тканью её одежды. Моя рука, грубая и шершавая, скользнула под развязавшееся пальто, ощутила тонкий, как паутина, шёлк блузки и обжигающий, живой жар кожи под ним. Ладонь легла на её талию, а затем скользнула ниже, ощутив под юбкой упругий изгиб ягодицы, обтянутой скользкой тканью чулок. Её тихий, сдавленный стон, полный обещаний и нетерпения, потонул в шелесте листьев над головой и в гуле крови в моих ушах.

Это был момент чистейшего, животного, безрассудного забвения. Забвения от вампиров, скрипачей, загадочных фотографий и призраков прошлого. Оставались только она – вся, без остатка, отдающаяся этому порыву, я – забывший обо всём на свете, и сама ночь, ставшая нашей сообщницей и свидетелем этого внезапного, яростного соединения.

Но ночь, как и положено в детективе, всегда прерывает самые сладкие и запретные моменты. Резкий, пронзительный звук, на этот раз не скрипки, а вибрирующего в кармане моего пиджака сотового телефона, врезался в нашу приватную вселенную, как нож в тело. Мы разом отпрянули друг от друга, дыхание спёрто, губы распухшие, в глазах – незавершённость и щемящая досада. Я, не сводя с Марины взгляда, сунул руку в карман и достал аппарат. На экране горел неиз-

вестный номер.

– Орлов, – произнёс я, и мой голос прозвучал чужим, налитым желанием и яростью.

В ответ послышался шёпот. Тихий, шипящий, безвоздушный, будто доносящийся из-под земли. И он пропел, на этот раз уже слова, ту самую фразу, что была на нотной бумаге: *«Твой смех – моя вечная ночь...»*

Связь оборвалась. Мы стояли, глядя друг на друга, и поцелуй, ещё секунду назад бывший убежищем, теперь стал новой загадкой. Он знал мой номер. Он видел нас. И теперь он пел для нас.

Резкий, сухой щелчок, похожий на звук снимаемого с боевого взвода курка, где-то в темноте за нашей спиной заставил нас инстинктивно отпрянуть друг от друга, как двух пойманных на месте преступления подростков. Воздух, секунду назад наполненный жаром и страстью, мгновенно выстыл. Из-за спины каменной наяды, из её мраморной тени, появилась фигура. Она выплыла из мрака не спеша, с театральным, отрепетированным изяществом.

Это был не призрак и не вампир. Это был человек. Молодой, на вид не более двадцати пяти, но с лицом, исполненным такой глубокой, вековой горечи, что оно казалось старше самых древних стен особняка Ван Дорен. Тёмные, почти черные волосы, влажные от тумана и слипшиеся на висках, спадали мягкими волнами на высокий, аристократический лоб. Глаза, цвета горького тёмного шоколада, смотрели на

нас с холодным, пронзительным, почти хирургическим любопытством, выскабливающим душу. Он был одет в идеально сидящий тёмно-серый костюм, сшитый, как мне показалось, вручную где-то в Милане, и опирался на тонкую, изящную трость из чёрного дерева с серебряным набалдашником в виде головы хищной птицы. Его длинные, бледные пальцы с аккуратными ногтями лежали на набалдашнике, и на них не было ни единого кольца – ни обручального, ни фамильного.

– Прошу прощения за беспокойство в столь... интимный момент, – произнёс он. Голос у него был низким, бархатным, с лёгким, едва уловимым средиземноморским акцентом, который окрашивал слова томной, опасной музыкальностью. – Я искал леди Агату. Меня зовут граф Алессандро де Санктис. Я... её племянник по материнской линии. Прибыл только вчера.

Его взгляд, тяжелый и маслянистый, скользнул по моим распухшим губам, по растрёпанным, всклокоченным моими пальцами волосам Марины, по расстёгнутой на её шее пуговице блузки, открывавшей вздымающуюся яремную впадину, и в уголках его идеально очерченных, довольно чувственных губ дрогнула едва заметная, циничная усмешка. Он всё видел. И, кажется, успел не только рассмотреть, но и оценить.

– А мы как раз наслаждались вечерней прогулкой, – парировала Марина, с ледяной, королевской невозмутимостью

поправляя прядь за ухо и приподнимая подбородок. Но я, стоявший в полушаге от неё, видел, как учащённо и предательски бьётся пульс в тонкой синей жилке на её шее. – Воздух после дождя такой... освежающий.

– В таком часу? Ближе к полуночи? – Граф мягко, почти по-кошачьи улыбнулся, и в его глазах вспыхнули жёлтые искры насмешки. – Очень романтично. И весьма отважно. Но, боюсь, сад – не самое безопасное место для столь страстных уединений. Особенно после того, что случилось с бедной Эмили.

Он сделал шаг вперёд, его ботинок из тонкой кожи бесшумно вдавился в мокрый гравий. Свет луны, будто по его велению, упал на нижнюю часть его трости. Длинный, острый металлический наконечник был безупречно чист, отполирован до зеркального блеска, но на земле, у его ног, я разглядел тот самый, странный продолговатый след, что мы видели на подоконнике. Совпадение? Слишком уж идеальное.

– Вы здесь давно, граф? – спросил я, нарочито медленно застёгивая пиджак и встречая его пронзительный взгляд. Мои пальцы всё ещё дрожали от адреналина и не выплеснутого желания.

– Достаточно, чтобы услышать, как вы бежите по аллее с энергией, достойной лучшего применения, – ответил он, не моргнув глазом. Его бархатный голос обволакивал, как сироп. – И достаточно, чтобы понять – вы не из тех, кто боится теней. Леди Агата сделала правильный выбор, наняв вас.

Вы привносите... живость. Но будьте осторожны. Некоторые тени в этом доме... гораздо реальнее и опаснее, чем могут показаться на первый взгляд. И у них, в отличие от вас, есть клыки.

Он кивнул нам с лёгкой, почти уничижительной вежливостью и, развернувшись с неожиданной для человека с тростью лёгкостью, зашагал прочь. Его трость отстукивала по гравии чёткий, безжалостный ритм, похожий на отсчёт времени, отпущенного нам на эту игру.

Мы с Мариной остались одни в холодном, внезапно опустевшем саду, с губами, ещё полными солёного вкуса друг друга, с телом, всё ещё гудящим от несостоявшейся близости, и с новой, куда более осязаемой и сложной загадкой, принявшей облик хромого, насмешливого и до неприятного привлекательного итальянского аристократа.

Я посмотрел на Марину. В её глазах, уже успевших потухнуть после поцелуя, снова разгорался знакомый огонь охотницы, но теперь в нём плескалась примесь чего-то нового – острого, ревнивого, почти собственнического интереса к этому новому игроку.

– Ну что, шеф, – сказала она, проводя кончиком языка по крошечному, уже подсохшему следу моих зубов на своей нижней губе. Её голос был тихим, но в нём вибрировала сталь. – Похоже, у нашего поющего вампира появился серьёзный конкурент за наше с тобой внимание. И я, – она бросила взгляд в ту сторону, где скрылась фигура графа, – имею

в виду не только его самого. Я имею в виду ту бурю, что он за собой ведёт.

Дело обростало плотью и кровью, обретая запах дорогого парфюма, тонкую улыбку и отстукивающую ритм трость. И эта плоть, и эта кровь становились всё горячее, соблазнительнее и смертоноснее с каждой минутой.

Глава 3. Склеп, ноктюрн и отражение в зеркале

Возвращение в особняк после той безумной погони и ещё более безумного, животного поцелуя в саду было похоже на возвращение из другого, дикого и свободного измерения в закупоренный склеп. Тёплый, затхлый воздух, пахнущий воском, ладаном и тлением, снова обволок нас, как влажный саван. Тишина здесь была иной – не живой и пугающей, как в саду, а искусственной, натянутой, как струна на том самом рояле «Беккер», готовая лопнуть от одного неверного прикосновения.

Граф Алессандро де Санктис, наш новый «друг» и главный претендент на роль зловещего красавца, растворился в темноте коридоров с лёгкостью призрака, знакомого с каждой щелью в панелях. Его последние слова висели в воздухе, ядовитые и двусмысленные, как испарения мышьяка.

«Некоторые тени... реальнее, чем кажутся».

Отличный совет. Прямо эпитафия к нашему персональному аду. Я всё ещё чувствовал на своей коже его взгляд – тя-

желый, влажный, словно прикосновение слизняка.

Мы с Мариной молча, как два заговорщика, поднялись в наш временный кабинет – бывшую комнату для бильярда на втором этаже, которую леди Агата великодушно предоставила в наше распоряжение, словно бросая кость голодным псам. Комната была огромной, с высоким потолком, по которому ползли тени от массивной дубовой люстры. Между нами висело невысказанное, густое, как патока, и горячее, как всполох вулкана. Воздух трещал от напряжения, от не выплеснутого желания, от стыда и азарта. Я чувствовал на своих губах её вкус – смесь дорогой помады с ягодными нотами, сладковатого хереса и чистой, нецивилизованной животной страсти, той, что рвется из груди в момент между жизнью и смертью.

– Итак, – Марина первая нарушила молчание, сбрасывая пальто на спинку стула с такой грацией, будто это был последний, многообещающий акт стриптиза. Её тело, очерченное теперь только шёлком блузки и обтягивающей юбкой, казалось, излучало жар. – У нас есть вампир-скрипач, горничная-жертва, аристократка с параноидальными наклонностями и, видимо, неистрепимым чувством юмора, дворецкий, который выглядит так, будто его забальзамировали при Николае Втором и забыли в чулане, и внезапно появившийся хромой племянник-итальянец с тростью, которая оставляет следы в самых интересных местах. Неплохой улов для одного вечера. Почти как в дурном сне, от которого просыпаешь-

ся с приятной тяжестью в паху и пистолетом под подушкой.

– И не забудь про это, – я достал из внутреннего кармана пиджака, там, где обычно лежат сигареты или фляжка, свёрнутую в трубочку фотографию моего двойника и развернул её на зелёном, пыльном сукне бильярдного стола. Молодой человек с бледным, почти девичьим лицом и огромными, полными неизбывной тоски глазами смотрел на нас из прошлого, будто умоляя о помощи. – Наш «проснётся в полнолуние». Как думаешь, это он и есть наш граф? Сходство в чертах есть, общий тип, но не идеальное.

Марина подошла ближе, её бедро, упругое и сильное, на секунду коснулось моего. Даже через слои ткани брюк и юбки я почувствовал исходящий от неё ток, искру, пробежавшую по коже и ударившую прямо в основание позвоночника. Её дыхание было тёплым и учащённым.

– Нет, – она покачала головой, и её рыжие, как осенняя листва, пряди коснулись тыльной стороны моей ладони, вызвав мурашки. – Строение скул другое. У графа более жёсткий, почти хищный овал, скулы торчат, как голые скалы. А этот... он какой-то бесплотный. Не от мира сего. Как ангел, явившийся только для того, чтобы возвестить дурные вести.

Она взяла фотографию, и её длинные, изящные пальцы, которыми она только что впивалась мне в волосы, заметно дрожали. Адреналин, не нашедший выхода в постели, всё ещё бушевал в её крови, делая движения резкими, а взгляд – слишком ярким.

– Нам нужно узнать, кто это. И что связывает его с «поющим скрипачом». И почему кому-то, – она ткнула пальцем в фотографию, – понадобилось прислать это именно тебе. Это не случайность. Это послание. Или вызов.

Внезапно дверь в бильярдную бесшумно отворилась, без стука, без скрипа. На пороге, словно материализовавшись из самого мрака коридора, стояла леди Агата. Она сменила платье на тёмно-синий бархатный халат, отчего её высокая, прямая фигура казалась ещё более строгой, величавой и неестественной, как у жрицы древнего культа. В руках, похожих на высохшие ветви, она держала небольшой, но массивный футляр из чёрного, отполированного до зеркального блеска дерева.

– Надеюсь, я не прервала ничего... важного? – её пронизывающий, бледно-голубой взгляд, как скальпель, скользнул по моей растрёпанной шевелюре, по расстёгнутому вороту рубашки, а затем перешёл на румяные, запыхавшиеся щёки Марины и на её разгорячённый взгляд. Старая карга ничего не пропускала. Она видела всё, как будто мы были раздеты догола.

– Мы как раз составляли список подозреваемых, – парировал я, инстинктивно отходя от стола и прикрывая собой разложенную фотографию. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Суетное занятие, детектив, – она махала рукой с таким видом, будто отмахивалась от назойливой мухи. – Все в этом

доме что-то скрывают. У каждого есть свой скелет в шкафу, и некоторые из них... на удивление буквальные. В том числе и я. — Она сделала несколько бесшумных шагов по ковру и положила футляр на зелёное сукно стола с таким видом, будто возлагала венок на гроб. — Это для вас. Я нашла его в комнате Эмили. Спрятанным под половицей, под ковриком. Девушка была... чрезмерно сентиментальна. И, как выяснилось, имела дурную, и, как видите, роковую привычку подбирать то, что ей не принадлежало.

Я медленно, чувствуя тяжесть взглядов обеих женщин на себе, открыл маленькие, бронзовые защёлки. Внутри, на потёртой бордовой бархатной подушке, лежал изящный, смертоносный кинжал. Это было не грубое оружие наёмного убийцы, а скорее, изысканный коллекционный предмет, артефакт. Рукоять была из пожелтевшей от времени слоновой кости, причудливо резная, с инкрустацией из тёмного лазурита, складывавшейся в замысловатый, незнакомый мне символ. Но именно лезвие привлекло и заморозило наше внимание. Оно было коротким, узким, идеально отполированным до ослепительного, холодного блеска. Игла. Стиллет. И по своей форме, тонкой и гранёной... оно идеально, до мурашек, совпадало с описанием той маленькой, почти аккуратной раны на шее бедной Эмили. Воздух в комнате выстыл окончательно. Теперь у нашего вампира было не только лицо, но и голос. И теперь — оружие.

— Боже, — прошептала Марина, и её голос дрогнул, но не

от страха, а от странного, почти сладострастного волнения. Её пальцы, будто против её воли, потянулись к кинжалу, но не коснулись его, замерши в сантиметре от холодной стали. — Это... это и есть орудие убийства? Та самая игла, что оборвала жизнь?

— Возможно, — леди Агата смотрела на кинжал не с ужасом, а с холодным, почти клиническим любопытством, как энтомолог на редкого жука, которого вот-вот проткнёт булавкой. — Но это, мои дорогие искатели приключений, далеко не всё. Посмотрите на клинок ближе. При свете.

Я поднял кинжал, и тяжесть его, несоразмерная изящному виду, неприятно отозвалась в запястье. Я поднёс его под абажур настольной лампы, и тёплый электрический свет выжег на отполированной стали ослепительную полосу. И там, у самого основания клинка, в месте, где сталь утолщалась, уходя в рукоять, была выгравирована крошечная, невероятно изящная монограмма: стилизованная готическая буква «S», обвитая извивающейся, тонкой змеей с чешуйками, проработанными до мельчайших деталей. Та самая, что была на восковой печати конверта с фотографией моего двойника. Та самая, что теперь, казалось, жгла мне пальцы.

Ледяной палец, острый как кончик этого кинжала, медленно провёл по каждому позвонку моего позвоночника, оставляя за собой след из мурашек.

— Откуда это у Эмили? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло, будто меня душили. — Откуда у горничной доступ к

такому... артефакту?

– Я надеюсь, это как раз и есть та загадка, за решение которой я вам заплатила, – леди Агата повернулась к выходу, и бархат её халата зашуршал, словно змеиная кожа. – И ещё кое-что. Ту музыку, призрачную скрипку, которую я слышала в ночь убийства Эмили... я наконец узнала. Это был ноктюрн до-диез минор Шопена. Тот самый, что обожал играть мой покойный брат, Лучано, отец Алессандро. Он был виртуозным, одержимым скрипачом.

Она остановилась в дверях, её силуэт, длинный и угловатый, вырисовывался на фоне тёмного, как провал в ад, коридора.

– Он покончил с собой. В старой семейной часовне, что стоит над нашим фамильным склепом. Ровно двадцать лет назад. Пулю в висок. Но перед этим... он играл на скрипке. Говорят, он играл до самого конца, пока палец не сполз с грифа. И его призрак, – она бросила на нас взгляд через плечо, полный мрачного торжества, – до сих пор бродит по саду в лунные ночи, повторяя тот самый ноктюрн.

Сказав это, она выплыла в коридор, и дверь бесшумно закрылась за ней, оставив нас в ошеломлённой, звенящей тишине, которая теперь была густо наполнена звуками воображаемой, траурной скрипки, игравшей в наших головах похоронный марш по нашему здравомыслию.

– Склеп, – Марина посмотрела на меня, и в её зелёных, как лесные озёра, глазах плясали целые легионы чёртиков

безумия и азарта. Её губы приоткрылись в полуулыбке. – Конечно, куда же без фамильного склепа с привидением-музыкантом? Ты же не боишься призраков, Орлов?

– Я больше боюсь живых, – проворчал я, отрывая взгляд от её возбуждённого лица и снова глядя на зловещий кинжал. – Особенно тех, кто умело притворяется мёртвыми. И тех, кто прячет кинжалы в комнатах горничных.

Решено. Склеп, эта чёрная дыра на карте особняка, был нашей следующей неизбежной целью. Но сначала... сначала нужно было разрядить то электрическое, густое напряжение, что висело, между нами, тяжелее бархатных портьер. Оно мешало думать. Оно пьянило. Оно сводило с ума. И оно требовало выхода.

– Марина, – мой голос прозвучал низко и хрипло, лишённым привычной иронии. Я шагнул, перекрыв ей путь к двери, ощущая, как каждый мускул в теле напряжён до предела. Воздух, между нами, снова сгустился, стал тягучим и сладким, как патока.

– Что, шеф? Нашли новую улику? Или просто решили, что пора обсудить мою недостаточную почтительность? – она подняла на меня вызывающий взгляд, тяжёлый и тёмный от возбуждения, но я видел, как учащённо и предательски вздрагивает тонкая жилка у неё на шее, там, где кожа была особенно нежной и прозрачной.

Я не стал ничего говорить. Слова были лишними, грубыми и неуклюжими в этой внезапно наступившей тишине.

Вместо ответа я притянул её к себе, и на этот раз наш поцелуй был не яростным штурмом, а медленным, почти мучительным исследованием. Это было не бегство от реальности, полной смерти и призраков, а, наоборот, глубинное, физическое утверждение в ней. Мы были живы – её тело, пламенеющее под тонким шёлком, её сердце, бившееся в унисон с моим, её дыхание, срывавшееся на короткие, прерывистые вздохи. Это наше тепло, эта влажная теплота ртов и сплетённых языков, были единственным настоящим, осязаемым щитом против той леденящей тьмы, что подступала к нам со всех сторон.

Её руки обвили мою шею, пальцы впились в волосы на затылке, и она ответила мне с той же безоглядной, тотальной отдачей, растворяясь в моменте, забывая обо всём. Мы стояли, прижавшись друг к другу так плотно, что, между нами, не осталось места даже для воздуха, в комнате, где когда-то стучали бильярдные шары, а теперь решалась чья-то чужая и наша собственная судьба. Моя рука скользнула под её блузку, ладонь коснулась горячей, удивительно шелковистой кожи на спине, ощутила под пальцами напряжённые мышцы и хрупкую линию позвоночника. Она издала тихий, глубокий, из самого горла рвущийся стон и прижалась ко мне всем телом, её бедро настойчиво упёрлось в моё, вызывая волну ослепительного спазма внизу живота...

Нашу идиллию, эту хрупкую иллюзию безопасности, прервал странный, не принадлежащий этому миру звук. Не

скрипка. Не шаги. Это был низкий, едва слышный, но оттого ещё более жуткий скрежет – будто что-то невероятно тяжёлое и древнее, каменное и ржавое, с невероятным усилием сдвинулось с места где-то в самом низу, глубоко под нами, в подземелье. В подвале. Или в том самом склепе, о котором только что шла речь.

Мы разом, как по команде, оторвались друг от друга, дыхание спёрло в груди, оставив после себя горький привкус нереализованного желания. Древний, как мир, инстинкт самосохранения снова взял верх над человеческой страстью.

– Кажется, нас ждут, – выдохнула Марина, её пальцы с невероятной для такого момента собранностью поправляли разорванные поцелуем складки блузки. Но в глубине её глаз, уже снова ставших острыми и сосредоточенными, читалась досада и незавершённость.

– И, кажется, приглашение не предполагает шампанского и мягкого дивана, – я повернулся и поднял со стола кинжал. Он лежал в моей ладони неестественно холодным, зловещим грузом, словно вобрав в себя весь холод склепа. Загадка с монограммой «S» и тёмный провал в подземелье, где покоился скрипач-самоубийца, манили нас в свою ледяную глубину, обещая ответы, которые, я чувствовал, окажутся страшнее любых вопросов.

Мы вышли в тёмный, безмолвный коридор, снова взявшись за руки. Но на этот раз это был не жест влюблённых, а прочное, почти братское сцепление двух партнёров,

двух охотников, готовых шагнуть в самую пасть преисподней, зная, что назад можно будет вернуться только вместе. Где-то внизу, в каменных, пропитанных сыростью и смертью нутро этого дома, кто-то или что-то шевельнулось. И мы должны были узнать, что это. Проходя мимо огромного, в полстены, зеркала в позолоченной, причудливо изогнутой раме, я на секунду задержал взгляд. И мне показалось, что в его мутной, потрескавшейся глубине, за нашими бледными, уставшими отражениями, на миг мелькнула и пропала другая тень – высокая, сгорбленная, с длинными пальцами, сжимающими знакомую трость с птичьей головой.

Ирония ситуации заключалась в том, что в доме, где, по словам леди Агаты, вампиры не отбрасывали теней, у зеркал, судя по всему, была своя, весьма извращённая и зловещая точка зрения на происходящее. И эта точка зрения включала в себя хромого графа, подслушивающего самые сокровенные моменты.

Глава 4. Склеп, сирена и дневник горничной

Спуск в склеп напоминал путешествие в брюхо каменного левиафана, в самое нутро древнего зла, проросшего под фундаментом благопристойности. Винтовая лестница из грубого, неотёсанного камня, по которой вода за столетия пробила свои русла, круто уходила вниз, в непроглядную, почти осязаемую тьму, пахнущую не просто сыростью, а ледяным

затхлым дыханием земли, плесенью, цветущей на костях, и сладковатым, приторным тленом. Воздух становился гуще, тяжелее и ощутимо холоднее с каждым шагом, цепляясь за одежду и кожу липкой пеленой. Единственным источником света был наш мощный тактический фонарь, чей резкий луч, словно скальпель, рассекающий плоть ночи, выхватывал из мрака колеблющиеся скелеты паутины, свисавшей с арочных сводов, да влажные, маслянистые пятна на стенах, блестящие в его свете, как ядовитая чешуя гигантского пресмыкающегося.

– Невероятно романтическое местечко, – пробормотала Марина, её голос прозвучал приглушённо, поглощённый толщей камня. Она крепче, почти болезненно сжала мою руку. Её пальцы были ледяными, как у покойницы. – Прямо-таки просится для уединённых свиданий при свечах. Если ты, конечно, завербованный маньяк с поэтическим складом ума.

– Обязательно учту на будущее, для личного досье, – парировал я, но шутка повисла в воздухе и тут же сдохла, задушенная гнетущим молчанием. Давление этой подземной, абсолютной тишины было почти физическим, оно давило на барабанные перепонки и сжимало виски стальным обручем.

Мы достигли низа, и каменное чрево левиафана раскрылось перед нами. Перед нами распахнулось невысокое, но просторное, выдолбленное в скале помещение – фамильный склеп Ван Дорен. Саркофаги из чёрного и серого мрамора, одни – старинные, покрытые потёками и эрозией, дру-

гие – более новые, стояли в арочных нишах, словно гигантские, безликие гробики для кукол из кошмарного сна. На некоторых были высечены имена и даты, покрытые толстым, бархатным на ощупь слоем вековой пыли. В центре зала, на невысоком постаменте из того же чёрного камня, стояла единственная, относительно новая, отполированная до тусклого блеска мраморная плита. Надпись, выведенная изящной вязью, гласила:

«Лучано Витторио де Санктис. 1950 – 1995. Музыка была его жизнью, тишина – его вечным проклятием».

Брат Алессандро. Тот самый виртуоз-скрипач, пустивший себе пулю в висок.

Я медленно подошёл ближе, сапоги глухо стучали по каменным плитам пола. Плита была на удивление чистой, будто её недавно натирали, на ней не было ни пылинки. И на её шершавом, холодном краю лежал один-единственный, и оттого особенно злобещий предмет: сухой, истончившийся до пергаментной прозрачности лепесток розы. Белой, как саван, как смерть.

– Смотри, – Марина, присев на корточки, направила луч фонаря на пол у постамента. В толстом, нетронutom слое вековой пыли отчётливо виднелся хаос следов. Не только наши, свежие и грубые. Были здесь и те самые, знакомые нам отпечатки – круглые вмятины от острой трости. И ещё одни – отчётливые, изящные следы от дорогих мужских туфель с узким носком. И.... третьи. Чёткий, несомненный отпечаток

женской туфли на высоком, шпилеобразном каблуке.

— У нашего поющего скрипача, похоже, была дама сердца, навещавшая его в гробу, — прошептала Марина, и её шёпот был похож на шелест крыс за стенами. — Или он сам, в перерывах между игрой на скрипке и самоубийством, баловался каблуками. Что, впрочем, для этого сумасшедшего дома было бы самой невинной причудой.

Внезапно из глубины одного из тёмных, узких проходов, ответвлявшихся от основного зала и уводящих в ещё более глубокую тьму, донёсся звук. Не скрипка. Тихий, сдавленный, влажный вздох. Почти стон. Звук, полный такого отчаяния и тоски, что кровь стыла в жилах.

Мы замерли, инстинктивно вжимаясь в шершавую, холодную поверхность стены. Я щёлкнул выключателем, и фонарь погас. Тьма поглотила нас целиком, густая, абсолютная, осязаемая, давящая на глаза. Сердце колотилось где-то в горле, выстукивая дикий ритм. Я чувствовал, как мелко, предательски дрожит рука Марины в моей, но это была дрожь не страха, а предельной концентрации.

И тогда мы его слышали. Тихий, едва уловимый, словно доносящийся из другого измерения, звук скрипки. Он шёл не из одного источника, а будто сочился из самих пор камня, наполняя склеп призрачной, пронзительной, до мурашек прекрасной мелодией. Это был тот самый ноктюрн Шопена. Музыка была неземной, воздушной и до жути, до физической боли печальной. Она висела в ледяном воздухе, как мо-

розный узор на стекле, и по коже бежали ледяные мурашки, а в груди возникало странное, щемящее чувство – смесь восторга и ужаса.

Вдруг луч моего фонаря, который я резко включил, метнулся в темноту и выхватил из непроглядного мрака фигуру. Она стояла в самом конце узкого каменного коридора, прислонившись спиной к стене, сливаясь с тенью. Женская фигура.

Это была не леди Агата и не призрак. Это была сама молодая, трепетная и тревожная красота, воплощённая в плоти. Девушка лет двадцати с небольшим, с лицом античной богини или, точнее, сирены, на которое будто набросили прозрачную, невесомую вуаль неизбывной грусти. Иссиня-чёрные волосы, струящиеся по хрупким плечам тяжёлыми, живыми волнами, будто высеченные из самого тёмного мрамора высокие скулы, и огромные, широко распахнутые глаза цвета выдержанного бургундского вина, полные такой бездонной, всепоглощающей тоски, что в них хотелось смотреть бесконечно, рискуя утонуть. На ней было простое, даже аскетичное чёрное платье, но сидело оно на её осиной талии и соблазнительных бёдрах с таким демоническим изяществом, что любая модель на парижском подиуме показалась бы рядом деревенской простушкой. В её длинных, бледных, с изящными суставами пальцах она сжимала, словно талисман, тот самый белый, иссохший розовый лепесток. Её губы, полные и яркие, словно капля крови на снегу, приот-

крылись в беззвучном стане, когда луч света упал на неё, и в этом образе было что-то порочное, запретное и невероятно притягательное. Она была живым воплощением той тайны, что витала в этом склепе, и глядя на неё, я понимал – расследование только что перешло на новый, куда более опасный и личный уровень.

– Вы... вы его тоже слышите? – её голос был низким, мелодичным, с бархатистыми вибрациями и лёгким, экзотическим восточным акцентом, который обволакивал слова, как дымок. Армянским? Грузинским? В нём чувствовалась древность, как у этих камней.

– Кого? – выдавил я, не в силах отвести от неё взгляд. Моё сознание пыталось анализировать, но тело реагировало на её присутствие первобытным импульсом. Рядом я почувствовал, как Марина превратилась в статую из напряжённых мышц и льда, её аура стала колючей, как проволока.

– Его музыку. Витторио. Он играет, когда луна становится полной и круглая, как монета на глазу у мертвеца. Когда просыпается та тоска, что не умирает даже с телом, – она сделала шаг вперёд, и свет фонаря скользнул по её лицу, выхватывая влажный блеск. На её идеальной, фарфоровой щеке, прямо под скулой, блестела единственная, крупная и совершенная слеза, скатившаяся по траектории, будто рассчитанной художником. – Я Анастасия. Я... ухаживаю за этим склепом. И за его памятью. Кто-то же должен.

Марина фыркнула. Звук был настолько резким, грубым

и невежливым в этой гробовой, священной тишине, что я физически вздрогнул, будто ошпаренный.

– Ухаживаете? В четыре часа утра? В подземном склепе, пахнущем как погреб морга? Очень практичное и, должно быть, востребованное хобби. Много клиентов?

Анастасия медленно перевела на неё свой взгляд, и в этих винных, бездонных глазах мелькнуло и исчезло что-то твёрдое, стальное, отточенное, что странно и пугающе контрастировало с её воздушным, почти невесомым обликом.

– Любовь не знает расписания, сударыня, как и настоящая скорбь. Они приходят, когда хотят. А вы кто? Зачем пришли сюда, чтобы потревожить его прах и моё уединение?

– Мы детективы, – поспешно пояснил я, всё ещё ошеломлённый её почти мистическим появлением и той эмоциональной бурей, что она принесла с собой. – Расследуем смерть горничной Эмили. Её убили.

Имя «Эмили» подействовало на Анастасию как удар хлыста по обнажённой коже. Она вся затрепетала и отшатнулась в тень, её длинные, бледные пальцы судорожно сжали хрупкий лепесток так, что он с хрустом рассыпался в пыль, похожую на пепел.

– Эмили... – прошептала она, и её голос сорвался на высокой, болезненной ноте. – Бедная, наивная, глупая девочка. Она слишком много любила. Слишком сильно. И слишком много... видела. Глазами и сердцем.

– Что именно она видела? – быстро, почти агрессивно

спросила Марина, делая шаг вперёд и заслоняя меня собой, как щитом. Её поза говорила о собственничестве громче любых слов.

Но Анастасия уже отступала вглубь тёмного прохода, её фигура начинала растворяться в темноте, как призрак на рассвете.

– Спросите у самого графа. Спросите его, почему он с юности боится смотреть в зеркала. И почему его трость... его красивая, чёрная трость... пахнет старой кровью по ночам, когда луна становится полной.

И она исчезла. Так же внезапно и бесшумно, как и появилась. Словно её и не было. Остался лишь тонкий, едва уловимый шлейф её аромата – горький миндаль, смертельный и соблазнительный, смешанный с запахом увядающих, почти осыпающихся роз.

Мы стояли в полном, оглушающем молчании, подавленные этой встречей. Призрачная музыка, что витала в воздухе, прекратилась, оставив после себя вакуум, ещё более зловещий.

– Ну что ж, – нарушила тишину Марина, и её голос прозвучал неестественно резко, пронзительно, как осколок стекла. – Поздравляю, Орлов. Кажется, ты нашёл свою музу. Хрупкую, трагичную, загадочную и пахнущую дешёвым парфюмом и ещё более дешёвым детективным романом. Надеюсь, она стоит того, чтобы пускать слюни.

– Марина... – начал я, чувствуя, как нарастает раздраже-

ние и досада, но она уже резко повернулась на каблуках и пошла к лестнице, её спина была прямая, жёсткая и неприступная, как стена.

Прежде чем последовать за ней, я наклонился и поднял с каменного, пыльного пола то, что выпало у Анастасии из складок платья или кармана, когда она так драматично отшатнулась. Не лепесток. Маленький, туго свёрнутый в трубочку, испещрённый аккуратным, женским почерком листок бумаги, вырванный из тетради. Дневниковая запись.

Развернув его с предчувствием, я прочитал всего одну-единственную фразу, от которой кровь застыла в жилах:

«Он целует так, будто хочет не просто ласки, а напиться, но не страсти, а самой жизни, самой души. Иногда, в самый пик страсти, я вижу в его глазах того мальчика с фотографии. Красивого, мёртвого мальчика. И я знаю, что следующая.»

Запись была подписана инициалом «Э». Эмили.

Я посмотрел в чёрный, бездонный проход, где растворилась Анастасия. Холодный, тяжёлый комок свинца сжался у меня в желудке. Эта женщина была не просто хранительницей склепа или местной сумасшедшей. Она была живым ключом. Ключом к тёмной тайне графа Алессандро, к тайне смерти Эмили и, возможно, к разгадке той самой старой фотографии, что жгла мне карман. И теперь этот ключ, облечённый в плоть сирены, висел между мной и Мариной, угрожая разбить наше едва зародившееся, хрупкое доверие в дре-

безги. Любовный треугольник, разворачивающийся в центре дела о вампире-скрипаче? Ирония судьбы достигала своего гротескного апогея. И, с леденящей уверенностью, я понимал – самое страшное, самое тёмное и кровавое, было ещё впереди. И мы все, как марионетки, уже были расставлены на этой шахматной доске, готовые к последней жертве.

Глава 5. Игра в тени и поцелуй с привкусом яда

Возвращение из склепа в бильярдную было похоже на восхождение из каменного ада в затхлое, душное чистилище. Давящая тяжесть векового камня, запах тлена и влажной земли сменились наэлектризованной, густой тишиной комнаты, где каждый звук отзывался эхом нашего молчания. Марина шла впереди, её спина – прямым, неприступным и молчаливым монументом моему мнимому предательству. Я чувствовал её гнев почти физически – он исходил от неё волнами сухого, обжигающего жара, смешиваясь с терпким ароматом её духов, в которых теперь угадывались ноты гнева, и едким запахом подземной сырости, въевшейся в волокна нашей одежды, как клеймо.

– Марина, давай всё-таки поговорим, как взрослые люди, – начал я, с усилием закрывая за нами тяжёлую дубовую дверь. Глухой щелчок щеколды прозвучал оглушительно громко, как приговор, отсекающий путь к отступлению.

– О чём? – она обернулась на каблуке, и в её зелёных,

обычно таких живых глазах, бушевала настоящая, неконтролируемая буря. В них не было и тени той страсти, что пылала там всего несколько часов назад. Только колючий, сибирский лёд и острота закалённой стали. – О твоей новой подруге из склепа? О той, что с таким сладострастием «ухаживает за памятью» покойника? Очень поэтично. Прямо готовая героиня дешёвого готического романа. Скажи честно, у неё в кармане случайно не валяется засохшее, перевязанное ленточкой сердце бывшего любовника?

– Она – не подруга, она – улика, ходячая загадка, – попытался я быть голосом разума и логики, но мои слова прозвучали слабо, глупо и фальшиво даже для моих собственных ушей. – Она что-то знает. Что-то важное. Про графа, про Эмили... Она намекнула...

– О, я ни секунды не сомневаюсь, что она много чего «знает»! – её смех был коротким, резким, без единой нотки радости, похожим на треск ломающегося стекла. – Она знает, как сделать по-кошачьи огромные грустные глаза! Знает, как дрожащим, мокрым от слёз голосом говорить о вечной любви и сладкой смерти! Идиот, Орлов! Слепой, наивный идиот! Ты повелся на эту дешёвую, отрепетированную театральность, как зелёный пацан из провинциального городка!

Она стремительно подошла к столу, схватила фотографию моего двойника и с силой ткнула в неё отточенным ногтем, будто хотела проткнуть бумагу насквозь.

– А это что, по-твоему? Случайное совпадение? Она по-

явилась сразу после того, как мы нашли эту фотку! Она – часть заговора, часть этой чёртовой, запутанной паутины! И ты, вместо того чтобы видеть в ней прямую угрозу, смотришь на неё размякшим взглядом, как загипнотизированный кролик на удава!

Она была права. Чёрт возьми, она была абсолютно, на все сто процентов права. Каждое её слово было в цель, в самое яблочко. Но что-то в Анастасии – эта змеиная хрупкость, эта пронзительная, казалось бы, подлинная боль в глазах – цепляло меня за самое живое, за ту часть души, что не поддаётся логике. И дело было не только в расследовании.

– Я просто пытаюсь собрать разрозненные куски пазла, – пробормотал я, отворачиваясь к окну, в чёрное, ничего не отражающее стекло.

– Ну конечно, – её голос стал тише, но от этого лишь ядовитее, каждая фраза – как укол отравленной иглой. – И самый главный, самый интересный кусочек этого пазла, я уверена, у неё аккуратненько спрятан между бёдер. Очень, очень удобно для расследования.

Она резко, с таким порывом, что взметнулась пыль с ковра, развернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью с такой силой, что с полки с грохотом свалилась массивная хрустальная пепельница. Я остался один в гнетущей, звенящей тишине, с комом жгучей вины в горле, которая разъедала меня изнутри, и с крошечным, обжигающим пальцы клочком бумаги из дневника Эмили, который я так и не решился по-

казать Марине.

«Он целует так, будто хочет напиться, но не страсти, а самой жизни.»

Я потянулся к графину с водой, стоявшему на столе, и мои пальцы наткнулись на другой, маленький, туго свёрнутый в трубочку листок. Его там точно не было, когда мы уходили в склеп. Я развернул его. Почерк был утончённым, каллиграфическим, с длинными, замысловатыми завитками.

«Северное крыло. Комната под большой лестницей. Полночь. Приходи один. Я покажу тебе, что на самом деле скрывают зеркала в этом доме. А.»

Анастасия. Она подбросила записку, пока мы были внизу, в царстве мёртвых. Или... пока мы целовались в саду, в порыве живого, грешного чувства. Мысль была тревожной, пугающей и в то же время порочно возбуждающей.

Полночь. До неё оставался всего час. Час мучительных, бесплодных раздумий, прерываемых лишь доносящимися из коридора бесшумными шагами Фёдора и размеренным, неумолимым тиканьем старинных напольных часов в большом зале, отсчитывающих секунды до моего падения.

Ровно в двенадцать, словно марионетка, повинующаяся невидимым нитям, я вышел из бильярдной. Дом спал мёртвым, полным зловещих скрипов и шепотов сном. Северное крыло было самым старым, нереставрированным и заброшенным. Воздух здесь был другим – он пах не просто пылью, а пылью веков, дохлыми мышами за плинтусами и горь-

ким запахом полного забвения. Комната под лестницей оказалась низкой, тесной, с скошенным, давящим потолком, похожей на каменный мешок или каморку для прислуги, которую здесь же и похоронили. Дверь была приоткрыта, и из щели лился тусклый, дрожащий свет свечи, обещая не ответа, а новую, ещё более опасную западню.

Я вошёл, и дверь с тихим скрипом закрылась за мной, словно сама судьба позаботилась о нашей уединённости. Комната была освещена единственной свечой, стоявшей на грубом, поцарапанном деревянном столе; её колеблющийся свет отбрасывал на стены причудливые, пляшущие тени, превращая маленькое пространство в подобие камеры-обскуры для грешных мыслей. В этом дрожащем свете Анастасия казалась ещё более призрачной и одновременно вызывающе прекрасной. Она сидела на краю узкой, почти монашеской кровати, завернувшись в большой тёмный платок, из-под которого выбивались пряди её иссиня-чёрных волос, блестящих, как крыло ворона. На столе рядом со свечой лежало маленькое круглое зеркальце в старинной серебряной оправе, тускло поблёскивающее в полумраке.

– Я знала, что ты придёшь, – её голос был тихим, бархатным, как шелест дорогого шёлка о обнажённую кожу. – В твоих глазах горит тот же огонь, что и в его когда-то. Ты ищешь правду. А я.... я так устала от лжи. От этой вечной игры.

– Что ты знаешь об Эмили? – спросил я, оставаясь у две-

ри, чувствуя, как учащённо бьётся сердце. Воздух был густым, насыщенным её ароматом – горький миндаль и увядшие розы.

– Она любила его. Слепо, безрассудно. Графа. Но он... он не может любить. Не так, как обычные, смертные люди. – Она подняла на меня свои огромные, бездонные глаза, и в них плескалась такая тоска, что становилось трудно дышать. – Он вампир, детектив. Не в буквальном смысле, с клыками и летучими мышами. Нет. Он пьёт чужую жизнь, чужую энергию, чужую душу. Эмили поняла это слишком поздно. Она стала для него просто... очередным сосудом, который можно опустошить и выбросить.

– А ты? – мои губы были сухими. – Ты тоже его любила? Любишь до сих пор?

Она горько, по-женски уязвимо улыбнулась, и в уголках её губ залегли тени.

– Я? Я его тень. Его хранительница. И его вечное проклятие. – Она медленно, с театральной грацией взяла зеркало и подняла его, чтобы я видел своё отражение. – Смотри. Вглядишься.

Я посмотрел. В тусклом, неровном свечном свете моё отражение было бледным, измождённым, с тёмными кругами под глазами. И вдруг... за моим плечом, в глубине зеркала, промелькнуло движение. Быстрое, едва уловимое, как взмах крыла летучей мыши или скольжение тени. Я резко, с адреналиновым всплеском, обернулся. Никого. Комната была

пуста, если не считать нас двоих.

– Зеркала в этом доме лгут, – прошептала Анастасия, бесшумно подходя ко мне так близко, что я почувствовал холодок, исходящий от её тела, и её дыхание на своих губах. Оно пахло горьким миндалем и чем-то ещё – запретным и сладким. – Они показывают не то, что есть, а то, что могло бы быть. Или то, что тщательно скрыто ото всех. Даже от себя.

Она прикоснулась к моей щеке. Её пальцы были холодными, как мрамор в склепе, но это прикосновение вызывало под кожей странное, тревожное тепло.

– Ты похож на него. Поразительно. На того мальчика с фотографии. Он был братом Алессандро. Близнецом. Его звали Витторио. Он умер при загадочных, очень тёмных обстоятельствах. Алессандро никогда не смог с этим смириться. Он ищет его черты в каждом, кто оказывается рядом. И.... он нашёл их в тебе. Ты – его новая навязчивая идея.

Её слова падали в моё сознание, как тяжёлые, отполированные камни в чёрное болото, вызывая круги новых, всё более тревожных вопросов. Близнец. Проклятая семья. Граф, одержимый тенью своего мёртвого брата.

Анастасия прижалась ко мне всем телом, обвиняя мою шею руками. Она была хрупкой, как фарфоровая куколка, и одновременно сильной, цепкой, как лиана. Её тонкие, холодные пальцы впились в мои плечи.

– Он ревнив, детектив. До безумия, до одержимости ревнив. Если он узнает, что ты здесь, со мной... что ты прикаса-

ешься ко мне... — она не договорила, но невысказанная угроза витала в воздухе, густая и сладкая, как её запах.

И тогда она поцеловала меня. Этот поцелуй был полной, разительной противоположностью яростным, огненным поцелуям Марины. Не обжигающий огонь, а пронизывающий до костей лёд. Не страсть, а глубочайшее, всепоглощающее отчаяние. В нём была приторная сладость цианистого яда и горькая полынь вечной тоски. Я почувствовал головокружение, комната поплыла перед глазами. Её руки стремительно скользнули под мою рубашку, её прикосновения были быстрыми, жадными, почти болезненными, оставляя на коже следы, будто от льда.

Вдруг её тело напряглось, стало твёрдым, как сталь. Она резко оторвалась от меня, её глаза расширились от неподдельного, животного ужаса. Она смотрела куда-то за мою спину, в дверной проём.

Я обернулся. В дверном проёме, залитая резким светом из коридора, стояла Марина. Она не кричала, не извергала проклятий. Она просто стояла, опёршись о косяк, и её фигура источала ледяное, абсолютное презрение. В её руке, сжатую в белой от напряжения кисти, она сжимала тот самый изящный кинжал с роковой монограммой «S».

— Мило, — произнесла она, и её голос был ровным, холодным, как сталь лезвия в её руке. — Обменялись мнениями по поводу тонкостей дела? Или уже перешли к более... глубокому, физическому допросу с пристрастием?

Анастасия резко, с притворно-испуганным вздохом отпрянула от меня, но в глубине её глаз, на миг встретившихся с моими, я увидел не страх, а быструю, торжествующую искорку. Она играла, и играла мастерски.

– Марина, я могу всё объяснить, – начал я, чувствуя, как пол уходит из-под ног, а я проваливаюсь в бездну стыда и нелепости.

– Объяснишь следователю. На допросе, – она с силой бросила кинжал на пол, между нами. Он с оглушительным лязгом отскочил от каменных плит, и лезвие, блеснув, указующе легло в мою сторону. – Пока ты тут играл в греховную любовь с вампирской невестой, я провела настоящий, а не спальный допрос. Я обыскала комнату Эмили. Настоятельно. И, представь, нашла кое-что весьма интересное. Заподлицо с пружинами матраса. Её дневник. И в нём есть просто восхитительная запись о том, как наша милая, невинная Анастасия откровенно угрожала бедной горничной. Говорила, что *«заберет её жизнь, как та когда-то забрала её единственную любовь»*.

Я посмотрел на Анастасию. Её лицо, секунду назад такое хрупкое, исказилось гримасой чистейшей, неприкрытой ненависти и боли. Вся её напускная слабость испарилась, обнажив стальной, беспощадный стержень.

– Она была дрянной, жадной, мелкой девчонкой! – выкрикнула она, и её голос сорвался на визгливую, истеричную ноту. – Она хотела отнять у меня последнее, что у меня бы-

лю! Единственное, что меня связывало с этим миром!

– Его? – уточнила Марина, с убийственной, ледяной иронией кивнув в мою сторону. – Или всё-таки графа Алессандро?

В этот самый момент, словно сама судьба решила вставить свою реплику в наш грязный спектакль, из глубины дома, с верхних этажей, донёсся душераздирающий, полный настоящего ужаса женский крик. Это был крик леди Агаты. За ним послышался оглушительный грохот падающей мебели и звон разбитого в дребезги стекла.

Мы все трое, как по команде, замерли, глядя друг на друга. Наша игра в тени, ревность и манипуляции мгновенно оборвались, уступив место новой, настоящей и смертельной опасности, нависшей над домом.

– Кажется, твой дорогой вампир окончательно проснулся и не в духе, – бросила Марина через плечо, прежде чем резко развернуться и броситься на звук, её каблуки отчаянно застучали по каменным плитам коридора.

Я посмотрел на Анастасию. В её глазах теперь не было ни торжества, ни ненависти – только чистый, животный, панический страх.

– Он... он не мог, – прошептала она, и её губы задрожали. – Он же обещал... обещал подождать...

Я оставил её одну в этой душной, проклятой комнате под лестницей и побегал за Мариной, понимая, что самая тёмная, самая кровавая часть ночи только началась. И что все

тайны этого дома, все его демоны и призраки, готовы наконец вырваться на свободу, чтобы сметать всех нас на своём пути.

Глава 6. Кровь на паркете и яд в бренди

Крик леди Агаты не просто разрезал ночную тишину особняка – он разорвал её в клочья, как коготь невидимого зверя. Это был не звук, а физическое ощущение – острый, пронзительный клинок, вонзившийся в самую сердцевину спокойствия, полный подлинного, животного, неконтролируемого ужаса. Всё, что было, между нами, секунду назад – ревность, подозрения, игры в кошки-мышки с Анастасией – мгновенно испарилось, как дым, уступив место примитивному, слепому инстинкту: бежать на помощь.

Мы с Мариной, словно два заряда, выпущенных из одного ствола, помчались по тёмным, запутанным коридорам, наши шаги гулко и беспорядочно отдавались в гробовой тишине спящего дома. Мы неслись на звук, как мотыльки на огонь, ведущий напрямик в эпицентр надвигающейся бури.

Дверь в личные апартаменты леди Агаты была распахнута настежь, словно её выбили ударом тарана. Комната, обычно воплощение чопорного порядка, была погружена в хаотичный полумрак, освещённый лишь одной разбитой прикроватной лампой с абажуром цвета бургундского вина. Её неровный свет отбрасывал на стены, увешанные портретами предков, длинные, прыгающие, кроваво-багровые тени, пре-

вращая пространство в подобие бредового сна. Воздух был густым, тяжёлым и сладковатым, с удушающей примесью дорогих духов «Шанель», острого, едкого запаха страха и чего-то ещё – химического, горького, словно от разлитых лекарств.

Леди Агата стояла посреди комнаты, прислонившись к резному дубовому столбу своей массивной кровати, и, казалось, вся её аристократическая надменность растворилась в панике. Её обычно безупречная, как у королевы, причёска была растрёпана, седые пряди падали на лицо землистого, мертвенно-бледного оттенка. Её пальцы, украшенные фамильными перстнями, с такой силой сжимали воротник бархатного халата, что суставы побелели, а тонкая ткань грозила порваться. Её взгляд, остекленевший и неподвижный, был устремлён в угол комнаты, залитый тенью.

Там, в глубокой тени, неестественно скрючившись, лежало тело Фёдора. Старый дворецкий был облачён в свой безупречный, отутюженный до лезвия фрак, но теперь ткань на его груди и рукаве была испачкана чем-то тёмным, липким. Он лежал на боку, в позе, которую не выбирают добровольно, его лицо-пергамент было обращено к потолку. Глаза, те самые выцветшие, безразличные бисеринки, были неестественно широко открыты и выражали не боль, а безмерное, детское удивление. Из уголка его тонких, плотно сжатых губ стекала тонкая струйка слюны, смешанная с желтоватой пеной. Рядом с его правой, в судороге вытянутой рукой, лежа-

ла разбитая хрустальная стопка, из которой расплывалось по тёмному дубовому паркету маслянистое янтарное пятно – её последний глоток бренди.

– Он... он принёс мне вечерний бренди, как всегда, – захлёбываясь, прошептала леди Агата, её голос, обычно такой властный, дрожал и срывался на высокой, истеричной ноте. – Я сделала всего один глоток... он был таким горьким! Ужасно, отвратительно горьким! Я выплюнула... а он... он уже стоял вот так... и смотрел на меня этим своим взглядом... а потом просто... просто рухнул. Как подкошенный.

Марина, отбросив все личные обиды, с феноменальной собранностью опустилась на колени рядом с телом Фёдора. Она, не брезгуя, осторожно приоткрыла его веки, оценивая реакцию зрачков, затем наклонилась и понюхала его губы, сморщив нос.

– Цианистый калий, – коротко, без эмоций бросила она, и в её голосе зазвенела холодная, отточенная сталь. – Классика жанра. Пахнет горьким миндалем, но не все это чувствуют. Кто-то подсыпал смертельную дозу в бренди. Но цель была не Вы, леди Агата. Цель был он. Его убрали. Как ненужного свидетеля. Того, кто слишком много знал или слишком много видел.

Я подошёл к прикроватному столику из красного дерева. Там стоял серебряный, с гравировкой поднос с хрустальным графином и второй, нетронутый стопкой. Я наклонился, всматриваясь в крошечные, похожие на сахар, белые кри-

сталлы, ещё не успевшие полностью раствориться на дне разбитой стопки. И тут мой взгляд, скользя по паркету, упал на маленький, почти невидимый, смятый клочок бумаги, закатившийся под резную юбку кровати. Я поднял его, развернул дрожащими пальцами.

Это был обрывок пожелтевшей нотной бумаги. На ней были нацарапаны те самые, уже знакомые несколько тактов злополучного ноктюрна. И снова, выведенные тем же изящным почерком, слова:

«Твой смех – моя вечная ночь».

– Скрипач, – прошептал я, и по спине пробежали ледяные мурашки. – Он был здесь. Он оставил свою визитную карточку.

Внезапно из глубины коридора донёсся новый звук. Не скрипка. Быстрые, неровные, нервные шаги, прихрамывающие, но стремительные. В дверях, залитый светом из коридора, появился граф Алессандро. Он был без своей изящной трости, и его хромота была теперь гораздо заметнее, отчего его фигура казалась неустойчивой, почти комичной в этой трагической обстановке. Его лицо, обычно застывшее в маске холодной вежливости, было искажено смесью неподдельной тревоги и сдерживаемой ярости. Его чёрные, влажные от пота волосы спадали на высокий лоб, а глаза, цвета тёмного шоколада, метались по комнате, с болезненной быстротой останавливаясь на теле Фёдора, на бледной как полотно леди Агате, на нас с Мариной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.